

Предисловие

Автор отдает себе отчет в том, что нижеизложенная история небезупречна, — когда пишешь по частям, этого не избежать. Эксперимент дяди Алека описан здесь, чтобы позабавить юных читателей, а вовсе не для того, чтобы навязать определенные педагогические взгляды взрослым. Надеюсь, друзья «Розы и семи братьев» простят мне мелкие погрешности, и обещаю исправиться в следующем романе, «Расцвет Розы».

*Посвящается многочисленным
мальчикам и девочкам, на чьи
письма я не успела ответить.*

*Примите эту книгу в знак
примирения от друга.*

Л. М. Олкотт

Глава первая

ДВЕ ДЕВОЧКИ

Роза одиноко сидела в большой гостиной, держа наготове носовой платочек, чтобы поймать первые слезинки, потому что собиралась подумать о своих несчастьях и, естественно, приготовилась к рыданиям. Гостиная, которую она выбрала, была идеальным местом для грусти — темная и тихая, со старинной мебелью и мрачными шторами; стены были увешаны портретами серьезных пожилых джентльменов в париках, носатых дам в пышных чепцах и пучеглазых детишек в кургузых кафтанчиках и платьицах с высокой талией. Комната как нельзя лучше подходила, чтобы погоревать, а порывистый весенний дождик барабанил по стеклам и словно говорил: «Давай поплачем вместе!»

Причин грустить у Розы было предостаточно, ведь она давно лишилась матери, и теперь, когда умер отец, дом его пожилых тетюшек стал единственным пристанищем девочки. Роза жила здесь всего неделю; добросердечные старушки, как могли, пытались ее развеселить, однако не преуспели.

Им еще не доводилось иметь дело с такой девочкой — казалось, их заботам поручили не ребенка, а печальную бабочку.

Розе предоставили полную свободу, и пару дней она исследовала дом — старинный особняк с огромным количеством укромных уголков, чудесных комнат и таинственных коридоров. В самых неожиданных местах обнаруживались окна; выходящие в сад балкончики настраивали на романтический лад, а в обширном холле на верхнем этаже располагалась коллекция диковин, привезенных со всех частей света, — несколько поколений Кэмпбеллов служили капитанами дальнего плавания.

Тетушка Изобиллия даже позволила Розе залезать в большой сервант — заветную сокровищницу, где хранились лакомства, столь милые детскому сердцу; однако Роза не соблазнилась угощениями, и тетушка Изобиллия опустила руки.

Ласковая тетушка Идиллия предлагала заняться рукоделием и сшить кукольный гардероб. Любая девочка пришла бы в восторг, однако Роза осталась безучастной к розовым сатиновым шляпкам и крохотным рукавчикам. Впрочем, она прилежно шила, пока тетушка не обнаружила, что девочка тайком утирает слезы шлейфом кукольного подвенечного наряда — на этом кружок рукоделия прекратил существование.

Затем дамы посоветовались, выбрали самого образцового ребенка в округе на роль подруги для внучатой племянницы. Образцовая Анабелла Блисс оказалась самым большим разочарова-

нием — Роза знать ее не захотела, сказала, что Анабелла похожа на восковую куклу — так и тянет ущипнуть, чтобы проверить — взвизгнет или нет. Благовоспитанную Анабеллу отправили домой, а измотанные тетушки на пару дней оставили Розу в покое.

Погода стояла ненастная и холодная, поэтому Роза большую часть дня проводила дома — в библиотеке, где хранились отцовские книги. Там она много читала, иногда плакала и предавалась мечтам — светлым и невинным, которые часто приносят радость и утешение впечатлительным натурам. Подобное времяпрепровождение устраивало ее как нельзя лучше, однако плохо сказывалось на здоровье. Девочка становилась все более бледной и вялой, взгляд ее тускнел. Напрасно тетушка Изобиллия пичкала ее железом, словно растила кухонную печь, а тетушка Идиллия непрерывно ласкала, словно комнатную собачку.

Видя бесплотность усилий, бедные тетушки снова поломали голову и решили прибегнуть к отчаянным мерам, хоть и без особой надежды на успех. Грандиозный сюрприз был назначен на вечер субботы, и тетушки питали слабую надежду, что столь неожиданный ход все же развеселит необычную девочку, а до поры Розу предоставили самой себе.

Не успела Роза начать плакать, как тишину комнаты нарушил некий звук, заставивший ее наострить уши. Пела птичка, однако, несомненно, очень одаренная, так как тихое щебетание сменилось задорным свистом, затем трелью, потом пти-

ца заворковала, затем чирикнула и наконец издала последовательность нот, похожую на хохот. Роза тоже рассмеялась и, позабыв о горестях, вскочила на ноги, взволнованно воскликнув:

— Это же пересмешник! Где он?

Она бегом спустилась в холл и выглянула в обе двери, но кроме потрепанной курицы под лопухом ни одного пернатого во дворе не наблюдалось. Роза снова прислушалась: пение, кажется, доносилось из дома. Подстегиваемая азартом охотника, Роза пошла вслед за переменчивой песнью и оказалась у посудной кладовой.

— Кладовая? Как странно! — воскликнула Роза.

В кладовой никаких птиц не оказалось, кроме целующихся ласточек на сервизе из кантонского фарфора, расставленного на полках.

Вдруг лицо Розы просветлело, она отодвинула створку окошка и заглянула в кухню. Пение внезапно оборвалось, девочка в голубом переднике чистила камин, а больше никого в кухне не было. Роза какое-то время разглядывала девочку, затем спросила:

— Ты слышала пересмешника?

— Это скорее птичка-фиби! — хитро блеснув черными глазами, ответила девочка.

— Куда она делась?

— Она здесь!

— Где?

— В моем горле. Хотите еще послушать?

— Еще как! Я сейчас!

И Роза вместо того, чтобы обойти и воспользоваться дверью, вылезла прямо через окошко на

широкую полку со стороны кухни — так ей не терпелось.

Девочка вытерла руки, встала на сухом островке каминного коврика среди мыльных пузырей, и из ее тоненького горлышка полилось ласточкино щебетанье, воробьиное посвистывание, клич голубой сойки, пение дрозда, воркование лесной горлицы и многие другие знакомые Розе звуки, а завершилось представление, как и ранее, мелодичными переливами, какие издает рисовая птичка, порхая над зеленой лужайкой погожим июньским деньком.

От изумления Роза чуть не свалилась со своего насеста и, когда концерт закончился, радостно захлопала в ладоши.

— Это было чудесно! Кто тебя научил?

— Птицы, — улыбнулась девочка и вернулась к работе.

— Волшебно! Я тоже умею петь, но с тобой мне точно не сравниться! Скажи, пожалуйста, как тебя зовут?

— Фиби Мур.

— Вот кто настоящая птичка-фиби! — рассмеялась Роза.

Затем с интересом посмотрела, как стекают по кирпичам мыльные разводы, и добавила:

— А можно я посмотрю, как ты моешь? Мне скучно одной в гостиной.

— Смотрите, если хотите! — разрешила Фиби и под восхищенным взглядом Розы ловко отжала тряпку.

— Должно быть, весело мылить и поливать водой, — заметила Роза, зачарованно наблюдая за новым для нее занятием. — Вот бы попробовать, да только тетушка вряд ли разрешит...

— Устанете, да и платье запачкаете — лучше уж посмотрите со стороны!

— Ты здорово помогаешь маме, верно?

— У меня нет родных.

— Тогда где ты живешь?

— Здесь буду, если оставят... Дебби ищет помощницу, меня взяли на неделю — попробовать.

— Хоть бы ты осталась, мне было бы веселей! — воскликнула Роза, она очень прониклась к девочке, которая пела, как птица, и работала, как взрослая женщина.

— Надеюсь! Мне ведь уже пятнадцать, пора зарабатывать. А вы надолго приехали? — спросила Фиби, удивленно поглядывая на гостью и гадая — о чем грустить девочке в шелковом платье, переднике с изящными оборочками и бархатной лентой в волосах?

— Да, я жду приезда дяди. Он теперь мой опекун, и я пока не знаю, что он насчет меня решит. А у тебя есть опекун?

— Боже правый! Конечно нет! Меня подбросили на порог рабочего дома совсем малюткой, а мисс Роджерс меня пожалела — там я и жила. Но она умерла, и теперь я сама по себе.

— Как интересно! Совсем как Арабелла Монгомери в «Цыганской дочери». Милейшая история! Ты читала? — спросила Роза, которая обо-

жала книги о найденышах и читала их в большом количестве.

— У меня нет книг, в свободное время я обычно бегу в лес — это развлечение получше книжек, — ответила Фиби (она уже покончила с мытьем печи и перешла к следующему заданию).

Роза смотрела, как ее новая знакомая достает большую кастрюлю нелущеной фасоли, и думала — каково это только работать и не иметь времени на игры.

Фиби, вероятно, решила, что теперь ее очередь задавать вопросы, и сказала с легкой завистью в голосе:

— А вы, наверное, много учились?

— О да! Я провела в пансионе почти год и чуть не умерла, столько было уроков! Сделаешь одно задание, мисс Паэур дает еще несколько — я была ужасно несчастна, все глаза выплакала! Вот папа никогда не задавал слишком сложных уроков и был терпелив, у него мне нравилось учиться. Мы с папой очень любили друг друга, нам было хорошо вместе. А теперь он умер, а я совсем одна...

Когда Роза пыталась заплакать в гостиной, у нее ни слезинки не вытекло, а теперь два ручья полились по щекам, говоря о любви и горе лучше, чем любые слова.

Какое-то время тишину кухни нарушали лишь всхлипывания осиротевшей девочки и шум плачущего за окном дождя. Фиби перестала греметь фасолью о дно кастрюльки, она смотрела полными жалости глазами на склоненную кудрявую голову Розы и понимала — под симпатичным меда-

льною страдающая от потери души, а элегантный фартук залит слезами, которые горше ее собственных.

Фиби внезапно примирилась со своим скромным коричневым платьем и клетчатым передником, зависть сменилась состраданием; Фиби даже захотела обнять страдающую гостью.

Однако обниматься она не посмела и вместо этого сказала бодрым голосом:

— Вы не одиноки, мисс! Гляньте, сколько у вас родственников — все богатые да образованные. Дебби говорит — они вас до смерти заласкают, потому что вы единственная девочка в семье.

Последние слова Фиби заставили Розу улыбнуться сквозь слезы, она отняла фартук от просветлевшего лица и сказала с наигранно-трагическим голосом:

— Представляешь, какое несчастье? Тети за меня дерутся, а я их толком и не знаю. Теперь понятно, почему папа в шутку называл этот дом «Усадьбой тетушек».

Обе девочки рассмеялись, и Фиби сказала:

— Многие его так называют, и название подходящее — ведь еще и остальные миссис Кэмпбелл заезжают проведать старушек.

— Тетушки еще полбеда — у меня же полным-полно кузенов — все мальчишки, а я ненавижу мальчиков — они несносны! Парочка даже заезжала навестить меня в прошлую среду, но я осталась в кровати и, когда тетушка пришла меня звать, притворилась спящей. Как подумаю, что мне все же придется с ними встретиться...

Роза даже вздрогнула — они с отцом жили уединенно, с мальчиками она совсем не общалась, и они представлялись ей чем-то вроде диких животных.

— О, они вам понравятся! Приезжают и носят то на лошадях, то на лодках. Позабавитесь на славу, если любите лошадей и лодки.

— Не люблю! На воде меня укачивает, лошадей я боюсь, а мальчишек — терпеть не могу!

Несчастливая Роза в отчаянии заломила руки. Каждое из этих зол она стерпела бы, но все сразу — это было слишком, и она подумала, не вернуться ли в ненавистную школу.

В ответ на горестное восклицание Фиби расхохоталась так, что фасоль запрыгала в кастрюле, однако попыталась найти слова утешения.

— Может быть, дядюшка найдет вам место без мальчиков. Дебби говорит — он добрый и всегда приезжает с гостинцами.

— Видишь ли, беда в том, что я совсем не знаю дядю Алека. Он никогда нас не навещал, хотя часто присылал подарки. А теперь он мной распоряжается, и до восемнадцати лет я должна его слушаться. Мне так страшно — вдруг он мне вообще не понравится?

— К чему волноваться заранее? Я бы на вашем месте радовалась жизни. Столько родственников — живи себе припеваючи да развлекайся целыми днями, — начала Фиби, но ее прервал шум и грохот, доносящиеся с улицы.

Обе девочки подпрыгнули.

— Гром?.. — предположила Фиби.